

журнал поэзии

ПЛАВУЧИЙ МОСТ

2 / 2016

Коллектив авторов

**Плавучий мост. Журнал
поэзии. №2/2016**

«Летний сад»

2016

Коллектив авторов

Плавучий мост. Журнал поэзии. №2/2016 / Коллектив авторов —
«Летний сад», 2016

Журнал поэзии «Плавучий мост» является некоммерческим изданием, выпускается на личные средства его создателей, при содействии и участии издательств «Летний сад» (Москва, Россия) и «Verlag an der Wertach» (Аугсбург, Германия). Периодичность издания – один раз в квартал. «... Военная поэзия – отдельная тема, и хвалебные оды на взятие неприятельской крепости занимают в ней лишь малую часть. Стихи поэтов-фронтовиков, нередко погибших на войне в самом расцвете, как, к примеру, харьковчанин Михаил Кульчитский – редкие по силе свидетельства о переломных страницах истории. Минувший век, щедрый на кровавые жатвы, запечатлен в строках русских поэтов. Хлебников, Гумилев, Маяковский, Ушаков, Гудзенко, Симонов, Слуцкий, Межиров, Друнина, Тарковский – вот первые из них, кто на слуху, но продолжать список можно долго...»

© Коллектив авторов, 2016

© Летний сад, 2016

Содержание

Поэзия и время	6
Герман Власов[1]	6
Берега	8
Надежда Кондакова	8
О поэте Надежде Кондаковой	22
Ирина Евса	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Плавучий мост. Журнал поэзии. № 2/2016

© Редакция журнала «Плавучий мост», 2016

© Verlag an der Wertach, 2016

© Авторы публикаций, 2016

* * *

Поэзия и время

Герман Власов¹

Поэты о войне

*«Но святой Георгий тронул дважды
Пулюю не тронутую грудь...»*

Н. Гумилев

Военная поэзия – отдельная тема, и хвалебные оды на взятие неприятельской крепости занимают в ней лишь малую часть. Стихи поэтов-фронтовиков, нередко погибших на войне в самом расцвете, как, к примеру, харьковчанин Михаил Кульчитский – редкие по силе свидетельств о переломных страницах истории. Минувший век, щедрый на кровавые жатвы, запечатлен в строках русских поэтов. Хлебников, Гумилев, Маяковский, Ушаков, Гудзенко, Симонов, Слуцкий, Межиров, Друнина, Тарковский – вот первые из них, кто на слуху, но продолжать список можно долго. Часто говорят и то, что фронтовые поэты – особая каста, не приученная лгать, хитрить, приукрашать и выгадывать. Здесь важен фактический материал, а не вымысел. Что-то навсегда меняется в человеке, когда он физически чувствует себя магнитом, притягивающим мины, когда смерть для него – обычное дело и когда она чудом «опять проходит мимо». Реальные переживания, правота поэта, взвешенная не силой любви, но смертным роком, определяют последующую жизнь, ее движение и понимание судьбы человека. Поэты на войне – это еще и чувство вины выживших перед погибшими. «Я знаю, никакой моей вины/
В том, что другие не пришли с войны... но все же, все же, все же...» – записал Твардовский. Поэты на войне – это стремление рассказать о товарищах, сохранить их в нашей памяти, воскресить силой мысли и воображения. Как бы там ни было, сегодня мы – наследники этих свидетельств, за которые заплачено так дорого.

В наши дни удивительные стихи Межирова, позднее разработавшего тему «двойничества», кажутся обращенными в будущее: Человек живет на белом свете./ Где – не знаю. Суть совсем не в том./ Я – лежу в пристрелянном кювете./ Он – с мороза входит в теплый дом...<...> Поэт на войне зачастую обращен к неведомому слушателю, находящемуся от него на большом расстоянии и, возможно, в другом времени. Для него важно передать свое послание, высказаться так, чтобы эхо его строчек продолжало звучать сегодня. Заметим, что такие стихи, такая связь с предполагаемым читателем – взаимная. Но что происходит с человеком, изначально воспринимающим жизнь шире и ярче, если жизнь эта перестает быть мирной? Часто, как это было с Николаем Гумилевым, он становится носителем кодекса чести, становится патриотом и воином – из романтика он превращается в героя. «Та страна, что могла быть раем/
Стала логовищем огня...» – свидетельствует он, и такое утверждение вполне сравнимо с призывом вести «народную священную войну». Наконец, говоря о Гумилеве, юбилей рождения которого мы отмечаем в этом году, стоит упомянуть, что именно на военный период приходятся духовные и идеологические поиски, складываются новые представления о человеке, истории и личности. Поэт, путешественник и теперь уже воин может сказать: «Словно молоты громовые/
Или воды гневных морей./ Золотое сердце России/
Мерно бьется в груди моей». Поэты на войне это еще и удивительные лирические признания. Знаменитое «Жди меня» Симонова, обращенное

---

¹ Герман Власов – поэт, редактор. Живёт в Москве.

к одному конкретному человеку, переписывалось от руки тысячами неизвестных солдат, придавало им веру в человечность и надежду. «О тебе, о тебе, о тебе,/ Ничего, ничего обо мне!/ В человеческой, темной судьбе/ Ты – крылатый призыв к вышине».-написал Гумилев еще в 1918-м году.

Наверно, никто из поэтов не хотел и не хочет войны, но, обращаясь к поэзии фронтовиков, задаешься вопросом: откуда они брали силы, чтобы не только выжить, но и победить? Одолеть не только врага, но и свои слабые стороны? Как смогли они не только уцелеть на страшной войне, но и запятнать свои душу и совесть? Что должно было случиться такого, чтобы вчерашний девятиклассник осаждал военкомат и стал командиром танка? Наверно, во времена вызовов извне люди творчества, стремящиеся к целостному восприятию, острее чувствуют потребность защититься, «с чего начинается Родина» – дом, город, область, страну, ее особую культуру, мировосприятие, ее космос. Поэты на войне защищают свое прошлое и будущее, как бы поднимаясь над настоящим: «Стихи на фронте. В огненной реке/ Не я писал их – мной они писались./ Выстреливалась запись в дневнике/ Про грязь и кровь, про боль и про усталость» <...> – такие слова сказал Ион Деген. Война мобилизует на творчество – множество мирных проблем становятся несущественными перед угрозой одной первостепенной, а люди – обычно такие разные – в общем порыве, в конечном счете, побеждают. Вот, наверно, тот урок, та память, которую не стоит забывать сегодня. «Наши павшие – как часовые...» – пел Высоцкий и сегодня наши современники с благодарностью вспоминают о поэтах-фронтовиках.

Берега

Надежда Кондакова

Окно в слезах

Поэт, переводчик, прозаик, член Союза писателей Москвы, член Союза писателей России. Автор многих книг и публикаций. Лауреат государственной премии Москвы в области литературы и искусства (2011 г.). Живет в Переделкине.

...Мне всегда казалось, что любовная лирика – самое творчески оправданное, жизнью спасенное и не раз спасавшее меня в пору энтропии (как известно, стремящейся к максимуму) и есть самое «мое» – среди всего написанного за пятьдесят лет присутствия в литературном пространстве. Однако почти никто из критиков, в разные годы писавших обо мне и моих книгах, этого, кажется, не заметил. То ли «гражданский темперамент», отмечаемый рецензентами, затмевал сокровенные стихи о личном, или стыдливость былых времен тому причиной, не знаю. Но решила я в конце-концов издать небольшую книгу стихов о любви, написанных на протяжении всей жизни. Сегодняшняя подборка для «Плавучего моста» – как бы конспект этой книги, на самом деле состоящей из трех книг, соответствующих трем главам моей жизни. С благодарностью думаю о моих живых и мертвых «лирических героях».

Надежда Кондакова

* * *

Я гуляла в этих травах,
Целовала губы эти,
Я тогда имела право
Быть счастливою на свете.

Быть единственной. О Боже!
Ничего не ждать взамен
И не чувствовать всей кожей
Неизбежных перемен.

1973

* * *

Невозвратно и неповторимо.
Голос твой остался вдалеке.
Только голос, только тень от дыма,
только отпечатки на песке.

Господи, верни мне хоть на склоне,
выдерни из памяти незлой
наши полудетские ладони
над сердечком с острою стрелой.

2010

Письма

Твои письма придут через век,
одолеют пространство земное.
Ты был тихий, как мартовский снег.
Ну а я? Я была молодойю.

Я счастливой была на земле,
я несчастной, наверно, казалась.
Твои письма лежат на столе.
...Как бесстрашно я к ним прикасалась!

1979

* * *

Я знаю, скажут обо мне:
лукавая жена.
Но кто бы знал
что лишь во сне
тебе я неверна.
Что лишь во сне есть дом и сад –
будь проклят этот сон! –
уже пятнадцать лет назад
и тысячу времен.
А тот один, кто виноват, –
один, один, один –
уже пятнадцать лет подряд
здоров и невредим.
Читает книги, пьет вино,
не верит даже в Ад.
Но по ночам идет за мной
пятнадцать лет подряд.
Неважно где, неважно как –
я чую трепет рук,
я вижу тень, я слышу шаг –
и просыпаюсь вдруг.
...Будь проклят день и проклят час –
Кощея злая мгла,
когда соединила нас
смертельная игла:

Игла в яйце,
Яйцо в утице.
Ну а я в венце –
на распутице.

1980

«Браки свершаются на небесах...»

Ты муж на небесах мне...
что – земное?!
Оно пройдет, растаяв без следа,
как испокон веков в пыли и зное
бесследно исчезали города.
Все станет глиной – штампы и бумаги,
завистливые злые языки,
Истлеют даже розы... Но во прахе
потомок мой увидит тень руки,
дарившей их, твоей руки, любимый,
И, может быть, беседа со мной,
он вдруг поймет, что жизнь проходит мимо,
сквозь бездну лет – увидит лето Крыма
и повторит мой страшный путь земной...

1982

* * *

Если разлюбишь меня – скажи.
Горькая правда сильнее лжи.
Издавна наш говорит народ:
ложка сухая рот дерет.
Сухо во рту от глухой тоски –
на расстоянье одной руки,
как в Аду – на расстоянье огня,
в котором тебе гореть без меня.
Если разлюбишь – не говори,
я пойму по платку зари,
по его почерневшей кайме
пойму, что не вернешься ко мне.
Черным узлом завяжу концы,
слезы – доносчики а не гонцы.
Я не пошлю их в далекий путь,
а заточу их в темницу-грудь,
в сердце сошлю, где черным-черно.
Пусть разорвется от слез оно! –
страшно сказать... Но страшнее тьма –
если тебя разлюблю сама.

1982

* * *

Любовь – это двадцать лет разлуки,
Это тысяча лет такого огня,
когда руки не помнят что они – руки,
и не видят глаза среди бела дня.

Есть горы вокруг, но нет преграды,
моря – но и они не страшны.
И нет ничего на земле – и не надо! –
в час стыдящийся себя тишины,

в час ночного, бушующего прибоя,
когда на волну идет волна,
и двое не помнят, что они двое –
дыханье одно и плоть одна.

...Пусть глаза мне замажут золотом меда,
пусть славушка прилипнет сильней репья, –
я возьмусь за любую черную работу,
любую муку перемучаю я.

Муку перемелю, полы перемою,
в ушко пролезу почти без труда,
потому что я знаю,
что это такое –
быть в разлуке.
И уже навсегда...

1982

* * *

А собственно, что же такое разлука?
Мы не были даже знакомы и дня,
но кто-то нас отнял уже друг у друга:
меня – у тебя, а тебя – у меня.

Ты помнишь, как счастьем дышала округа,
как тело хотело огня и огня?!
Но не было нас и тогда друг у друга:
меня – у тебя, а тебя – у меня.

Когда же и впрямь наступила разлука,
то мы и не знали, друг друга вина,

что нет уже тысячу лет друг у друга:
меня – у тебя, а тебя – у меня.

Ни горе, ни счастье уже не пугают,
но мучает голос из крайнего дня:
– Зачем отнимают, зачем отнимают
меня у тебя и тебя у меня?..

1983

Роман

Тебе – почти что сорок,
а мне – почти что двадцать.
И мокрых листьев шорох
мешает целоваться.

Не то пройдет соседка,
не то сосед заглянет,
и хоть цела беседка –
беседовать не тянет.

Качнет шары гортензий
или шепнет на ушко,
но к ветру нет претензий –
проглядка и прослушка!

Потом промчится время,
летучее, как пламя.
И что там станет с теми,
застенчивыми, нами,

никто уже не вспомнит,
никто уже не знает.
Лишь ветер парус комнат,
как прежде, надувает.

Там мне – почти что сорок,
тебе – почти что двадцать.
И кажется, что – морок,
и тянет целоваться.

И видится, что шалый
горит огонь в камине.
И губы твои – алы,
и губы мои – сини

от взглядов этих жарких,

застенчивого «здрасьте»,
от этой кочегарки
безумия и страсти.

...Закуришь, выйдешь в сени.
Я встану на пороге
у молодости, лени,
у полной безнадёги...

* * *

Все пропадет – и молодость, и сила
не одного сводящая с ума.
Покинут все меня. Не ты ли, милый,
среди первых будешь?..
Да и я сама
уйду от вас. Снега моей державы,
моих степей глухие ковыли
и сильных рек большие переправы
меня спасут от близости земли –
сырой, отверстой, глинистой...
Печалью
нас в этом мире вряд ли удивишь.
...Две девочки – две парки за плечами
прядут, прядут немислимую тишь.
И им в ответ семь ангелов играют,
и, содрогаясь, слышу я вдали –
моих любимых ангелы сзывают
на Страшный Суд – со всех концов земли.

1981

* * *

Зеленоваты без претензий,
почти уже в осеннем гриме,
ажурные шары гортензий –
гидрангий, как сказали б в Риме –
не нашем нынешнем, а Древнем,
и также древности подобны,
пристанционные деревни
микроскопически подробны:
заборы, мостики, перила,
старуха в пестром «адидасе»,
и все, что не было и было
в каком-нибудь девятом классе.
Мы сами выбрали разлуку,

чтоб к прошлому казаться ближе,
и если ты протянешь руку,
я, может быть, ее увижу –
из этой электрички шумной,
из нашей жизни безутешной,
из юности ее безумной,
её гортензии нездешней...

2004

Синий дом

Почти что на краю оврага
есть синий обветшалый дом.
Но мы не сделаем ни шага,
чтоб снова очутиться в нем.

Пускай в малине одичавшей
гудят огрузлые шмели.
Но я молюсь, чтоб эту чашу
повторно мимо пронесли.

И ты молись, чтоб всё пропало,
рассыпалось до мелких снов,
чтобы на паперти вокзала
нам не хватило нужных слов.

Чтоб было глупо все, как было,
и, не растрчивая пыл,
чтоб я всю жизнь тебя любила,
чтоб ты всю жизнь меня любил.

2005

* * *

В Москве исчезли площади и скверы,
а вместо них – о, чур меня, о, чур! –
возвысились нелепые химеры,
пародии былых архитектур.

И там, где мы впервые целовались,
где воздух был от счастья голубой,
дома друг к другу жалобно прижались,
потом исчезли, как и мы с тобой...

2005

* * *

Две белые кофточка с юбкою узкой –
что надо еще мне теперь для души?

Ну, может быть, память с её перегрузкой,
да, может, скамейка, где спят алкаши.

На этой скамейке, о Боже, о Боже,
как долго нам грезился счастья обвал!

Какие жары и морозы по коже
ходили, когда ты меня целовал.

Мы просто расстались. А, может, не просто,
а, может быть, чья-то слепая рука
водила судьбой, отдирала коросту
с бескостного, злого её языка.

И стало греховным, что было безгрешно.
Но время прошло. И утихла родня.

И вот я стою у скамейки, и нежно
сам пух с тополей облетает меня...

2007

* * *

У розы засохшей на счастье такие права,
которые свежая роза давно позабыла,
такие права, что возможно спустя рукава
валять дурака
или брать его с жара и пыла,
последнее счастье –
какой это праведный сон,
какое свеченье,
какое во сне бормотанье...
О Господи, дай мне поверить,
что нету времен,
что роза не знает
ни вечности
ни увяданья.

1995

Медовый дом

Поздней страсти застенчивы тени,
но желаний бесстыден угар –
на земле не случался смиренней
и счастливее этот пожар.

Были юбки разбросаны смело
и цвели на полу, как цветы,
и почти обнаженное тело
не стыдилось своей наготы.

И в ночи фиолетово-серой
в деревянно-медовом дому
было больше неверья, чем веры,
что не сгинет, не канет во тьму

эта ночь, этот жар, этот лепет
и короткий, и сбивчивый сон,
этот холод, дошедший, как трепет,
из каких-то библейских времен.

Были жесткие звезды неярки
под присмотром невидящих глаз.
И писала нам жизнь без пометки
в первый раз.

1997

* * *

Мир- под копирку, завернут в копирку,
в памяти – только пустые азы
или уменье тяжелую дырку
нежно заштопать крылом стрекозы.
Выбор богат, но невыбор – богаче.
Время постыло, но вечность простила
то, что гляжу я влюблено, незряче
на фронтовое затишье из тыла.
...Мой лебединый, мой сладостный
мальчик!
Пусть наше время давно улетело,
я – восьмиклассница, как же
иначе
мне объяснить твое жаркое тело!?
Дело не в том, но не в том и безделье,
Что из былого – могилы и дети

нас окликают, а все, чем владели,
плавает где-то, почти в Интернете.
Мир не поймал в свои глупые сети,
но и не сдался без боя на милость.
...Вот и обуглилось все, что дымилось,
вот и остались мы вместе на свете.

1997

Окно в слезах

*«...К тому ж двадцатый век стоит в саду,
а вместе с ним я белый свет покину...»*

Н.К., 1980

Как девочка вайнахская – со страхом,
как юноша из Углича – в Чечне,
так я гляжу... И все покрылось прахом,
и отжило, и умерло во мне.

Отец и мать давно в сырой могиле,
и ты один мне – муж на небесах,
иных уж нет, а те – ушли, уплыли
и лишь окно оставили в слезах.

Так я о чем? О том, что ветер резкий,
что мир, как прежде, и нелеп, и груб,
Но смотрит Кто-то из-за занавески –
и не разжать закаменевших губ.

Я много лишних слов наговорила,
как бы с нечистой силою в ладу...
О, Господи, прости мне и помилуй, –
двадцатый век уже отцвел в саду.

В Твоем саду, о милостивый Боже,
Твоей покорна силе всеблагой,
стою теперь, и праведней и строже,
и знаю, что нет смерти никакой.

1998

* * *

И кофе вблизи Люксембургского сада
у рыжей и алой листвы на виду
запомнится странной рифмовкой с «де Сада»
и тем, что мы не были в этом саду.

и тем, что летела листва, умирая –
в щемящий пунктир превращалась черта,
и осень, как будто преддверие рая,
для нас распахнула свои ворота.

2007

* * *

Ты говоришь: не плачь, еще не время,
еще не время, – говоришь, – не плачь...
Но желтый лист тебя целует в темя,
целует, как Иуда, как палач.

Раскрыла осень подлые объятия,
и мы одни – среди летящих стрел.
...Я крашу рот и поправляю платье,
чтоб на меня и ты без слез смотрел.

2009

* * *

В предпоследнем целованьи
на больничной простыне
столько боли, то есть, – знанья
о тебе и обо мне.

И покуда губы – в губы,
и пока душа – в душе,
я молчу о том, как любы
дни, прошедшие уже...

Нет ни страсти, ни влеченья
в легкой старческой руке,
но уходит в ночь свеченье
и не гаснет вдалеке.

А о том, что там, за знаньем, –
за последним целованьем
на исходе немоты –
знаем только я и ты...

2014

* * *

Со Старой Планины здесь облака стекают,
чтоб ночь нарисовать – не хватит и чернил,
здесь ласточки живут и ящерики – витают,
и мне Господь здесь жить определил.

Он все забрал. А мне оставил – это
преддверие своих немислимых высот,
и розовый апрель, и огненное лето,
и старость, то есть страсть октябрьских красот.

Придет январь. И синь его сквозная
мне вилами напишет на воде,
что есть любовь. Но я ее узнаю.
...Здесь близок Бог, как никогда, нигде.

2015

* * *

В синий отблеск фиолета
желтое – сквозимо.
Ожидаю бабье лето
и мужскую зиму.

Ожидаю, что откатят
прошлые разоры.
Что опять затянут в кратер
огненные взоры.

И поселиться большая
в сердце голубица.
И за это обещаю –
плакать и молиться.

2015

* * *

Я хочу на прощание выпить вина
и не дать обещастья.
Я сюда не вернусь, я плохая жена,
я влюбилась в прощанья.

Но покуда не скрылись глаза за горой,

и покуда гора не пришла к Магомету,
поцелуй меня в этой прохладе сырой
сине-красного лета.

Я навеки запомню и этот пейзаж,
и дрожанье, горенье,
и что наш поцелуй – это только мираж,
измененное зренье.

2015

Заедно²

На Балканах бездонная ночь,
осторожна, чиста, нелюдима.
И уже никому не помочь,
кто не заедно, не заедино.

В эти ночи рождается страх
одиначества – черная льдина.
Плачет птица и дождик в горах,
что не заедно, не заедино.

...Мы такие прошли колеи,
и такие проехали страсти,
что дрожащие губы твои
лишь касаются молча запястья...

* * *

Оглушило и ошарашило:
не обозналось ли? –
счастье покроя страшного,
с неба и до земли.

Как же нам это вынести,
в памяти теребя
прошлое, чтоб не вырасти
больше самих себя?

Ведь не на вырост дадено
и не на окорот.
Счастье, а не украдено,
даже наоборот!

---

² *Заедно (бот.) – вместе*

Горя нам было мало ли –
жалиться да тужить?
Нас оно не ломало ли,
и не мешало жить?

А вот теперь – на паперти
у счастья на поводу,
словно на белой скатерти
или на тонком льду.

2015

* * *

Ты готов ли, ласковый и нежный,
встать со мной
на неотвратимой, неизбежной
паперти земной?

Ты готов ли целовать камня,
брошенные вслед?
От любви, похожей на смиренье,
ждать ответ?

Ты готов ли? Я ли не готова
умирать:
вот стоите рядом – ты и слово! –
надо выбирать...

2015

* * *

Что с нами, милый?! Мне все чаще
идет на ум:
так виноград последний слаще –
почти изюм.

Так на прошедшие мытарства,
каменьев град,
отдав полжизни и полцарства,
уже глядят.

Так не зовут уже, не ищут
земных утех,
а молча ждут на пепелище,
чтоб выпал снег.

Все так... Но если ночью каждой –
о, исполать! –
то умирать дано от жажды,
то вновь пылать?

И если это не расплата
и вход в пике,
а просто нежностью прижата
щека к щеке?!

...Знать, на осеннем одиноком
уже пути
Господь обвел нас дольным оком
и – дал пройти.

2015

О поэте Надежде Кондаковой

Не в публицистике, не в прямом отражении каких-нибудь иногда очень сильных, но вместе с тем и привычных истин – сила поэзии, сила такого истинного поэта, как Надежда Кондакова. Её я бы сказал такой благородный признак то, что она свою необыкновенно глубокую, естественную, исходящую из самых глубин нашей современной национальной истории, жизнь, присущую ее большому дару образом превращает в поэзию. Она часть народа со всей его мучительно искаженной историей, со всеми этими так называемыми великими переломами, арестами, индустриализацией, страшной войной, которая стоила нам миллионов жертв, со всеми этими страшными репрессиями, которые стоили, может быть, и больше, чем миллионы жертв. И она не прошла через диссидентство, не прошла и через какое-то такое формотворческое диссидентство. Она естественная часть народного потока, и в силу вот своего дарования, которое ей подсказало ту естественную мелодию, тот ритм, те слова, она часть нашего языка, языка современного и одновременно исторического, и, может быть, частично архаического. И она превратила это в лирику, естественную, сильную, душевную лирику. Она нашла единственно необходимые слова и выразила всё – жизнь народа, личную жизнь, приключения наших поколений. Всё это обратилось в сильные, естественные стихи, где каждое слово на месте. Где нет ни попытки какого-то ловкого, но сомнительного эпитета, какого-то двусмысленного образа. Она никаких внешне подкупающих жестов не делает, но жест воли, жест страсти, жест любви постоянно в ее стихах присутствует. Она истинный лирик, лирик вот на сегодняшнем этапе русской поэзии. Она говорит внятно и сильно, она говорит просто, но существенно. Она находит необходимое слово, необходимое дыхание – и это действительно большая редкость, как всякая истинная поэзия, огромная редкость. Потому что сколько бы мы ни видели имен в антологиях, но истинных знаков русской поэзии остается очень немного, какие-нибудь, может быть, два-три десятка за век. И присутствие среди нас такого поэта оставляет для каждого, кто еще верит в силу слова, силу стиха, надежду, что всё это – вся эта музыка жизни – она реальна, она действительна. Вот поэтому Надежда Кондакова реалист не просто, а реалист в том поэтическом смысле, что поэзия всегда опирается на землю, а головой уходит в небеса.

*Евгений Рейн*³

---

³ Евгений Рейн, русский поэт и прозаик. Живёт в Москве.

Ирина Евса Переход

Родилась в Харькове. Школу окончила в Белоруссии. В 1987 г. окончила Литературный институт им. А. М. Горького. С 1979 г. – член Национального союза писателей Украины. Член международного Пен-клуба. Поэт, переводчик, составитель книг и антологий. Автор одиннадцати поэтических сборников. Перевела стихотворения Сафо, гимны Орфея, «Золотые стихи» Пифагора, свод рубай Хайяма, гаты Заратустры, «Песнь Песней», псалмы Давида. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Звезда», «Знамя», «Радуга», «Интерпоэзия», «Новый Берег» и др. Лауреат премии Б. Чичибабина, премии «Народное признание», премии журнала «Звезда» и премии Н.Ушакова. За книгу стихотворений «Трофейный пейзаж» награждена премией имени Великого князя Юрия Долгорукого. В 2016 г. сборник стихотворений «Юго-Восток» стал победителем конкурса «Русская Премия». Живет в Харькове.

* * *

Куда ж нам плыть?..

А. С. Пушкин

Золотыми мышами шурша у корзин,
засыпая листвой водосток,
ветер воет на лестнице: так муэдзин,
обращенный лицом на восток,

собирает к молитве своих мусульман.
Но уже не тревожит ничуть
сладким дымом пронизанный самообман,
в небеса устремляющий путь.

А куда же нам плыть? А и вправду, куда?
Оторвёмся – и дело с концом –
и в Латакию, где закипает вода
расплывающимся леденцом

азиатского солнца... Не сладко и там.
Но горячая жёлтая взвесь
заставляет забыть, забывая гортань,
тёмно-серую, ватную – здесь.

Время булькает пловом, дымится в котлах
с подгорающей коркой на дне.
Но аллах, растворённый в резных куполах,
к чужакам равнодушен вполне.

– Ну, так что, собираемся? – Этот молчит,
тот, спеша, разливает вино.

– Не хотите в Латакию – можем на Крит,

в Картахену... Не всели равно,

где забыться, зависнуть, песчинками в ряд
лечь, рассыпаться искрами в штиль.
Но моргают. – Куда же нам плыть? – говорят –
безъязыким, безликим, как пыль?

* * *

В.Норазяну

Срезая кожуру с картофеля, палач
божествен. На жиру замешенные краски
фламандских мастеров – не терпят неудач,
но требуют огласки.

Заказчик пальцем ткнул в пурпурный гобелен,
подпорченный свечой, что не догрызли мыши,
в трёхпалый канделябр – и ты привстал с колен,
звон гульденов слышав.

Кругов колбасных жар и сыра влажный срез,
кабанья голова грозней полночных пугал –
вот для чего ты здесь. Мучительный ликбез –
картофелиной в угол.

Трудись, глотай слюну, пока Антверпен спит
и ратуша снежком припудрена снаружи,
пока ночных цехов жужжит прилежный быт
под кружевами стужи.

Пока заказчик всласть посапывает, борт
кровати накренив семипудовой сдобой,
соединяй в одно портрет и натюрморт –
утробное с утробой.

До света копошась, как мышь в своей норе,
озлишься: сыр усох, бегонии привяли.
И – мстительным мазком – три волоска в ноздре
и прыщ между бровями.

* * *

Снег на капоте старенького форда.
Вокзал. Буфет с попытками комфорта.

Пузырчатая – впрозелень – вода.
Любовники глотают капучино,
и в верности клянутся до кончины,
не зная, что простятся навсегда.

Великое показывая в малом,
телеэкран гундосит сериалом,
рекламой, что манит на острова.
Бен Ладен наслаждается джихадом.
И со стены командует парадом
клыкастая кабанья голова.

Любовники оглохли и ослепли.
Жемчужный огонек блуждает в пепле
забытой сигареты. Пальцы мнут
салфетку с отпечатками помады.
О Господи, какой ещё Бен Ладен? –
до отправления несколько минут.

Портал вокзала стреснувшим пилоном.
Снег, что наклонно гаснет над перроном.
Поправив шарф, она шепнёт: «Иди».
И он пойдёт подземным переходом,
кружа, плутая, бедствуя под сводом,
но выхода не видя впереди.

* * *

Приняв заказ, не пряча спеси, согнувшись в зябкой конуре,
нам мастер выточит два перстня, два сердолика в серебре,

где нить под влагой плавных граней всклубил декабрьский
шелкопряд
как будто в изморози ранней две винных ягоды горят.

Асимметричные эклоги. Надежды, скрученные в жгут.
Любви неверные залого, что всё же нас переживут.

Слепого случая вещдоки. Скандал. Семейный компромат.
Семей двусмысленные вздохи без комментариев и дат.

Флодом украшенное древо. Барокко вычурная прядь.
На безымянном пальце левой, не смея правую поправить.

...Всё это мастер знал, покуда в морозных сотах декабря
металлом булькала посуда, дышал раствор нашатыря,

пока меж стёклами волною смерзался снега синий пласт...
Художник мучался виною и сомневался, что продаст.

И, отмахнувшись от дуплета, на каждом новеньком кольце
он высекал: пройдёт и это, но с вопросительным в конце.

Переход

А теперь записывай: свобода –
переход, пристрелянный, как тир,
где тетрадь расхода и дохода
заполняет ангел-рэкетир

за спиной лоточника, а может,
«челнока». – Не всели мне равно,
кто теперь лишенья приумножит,
если приуменьшить не дано.

Дирижёр небесный, фалдой фрака
синий мел смахнувший со стены,
Ты шутя извлек меня из мрака,
словно звук из клавиш костяных.

Намекни, как музыка незлая
с антресолей шатких шапито,
для чего всё это, ибо знаю,
что нелепо спрашивать, за что.

А в другом и лучшем распорядке
под присмотром ангельской братвы
я была бы овощем на грядке,
гусеницей в кружеве ботвы

или в синь вкрапленным махаоном,
что с лоскутной лёгкостью порхал
над холмом с лишайником по склонам
и окаменевшим, как Верхарн.

Но свою мучительную коду
продлевая, сумерки креля,
Ты ведешь меня по переходу,
позволяешь целиться в меня,

чтобы я меж волком и лошадкой
завертелась, дернувшись сперва.
...Наклони фонарик над тетрадкой.
Я не вижу. Дай списать слова.

* * *

И сколько ни шарю по ящикам, – в толк
никак не возьму: где в пространстве окрестном
тех мраморных слоников списанный полк,
оплаканный медно-латунным оркестром?

В чьих весах на белой салфетке стоят
то тесной, подковообразной толпою –
и к хоботу хобот, – то вытянув ряд
гуськом, чечевицей, вот-вот к водопою?

Топтавшие варваров. Что за цена
им нынче, и есть ли слоновья Валгалла?
А грозная бабка Игнациевна
какие надежды на них возлагала,

в тряпицу замотанных (вечно возя
в бауле, как все, очевидно, скитальцы)?
Меня оттесняла: «Руками – нельзя!»
Но если и помнят, то именно пальцы,

как холодом били. Особенно тот,
с отколотым ухом, невзрачный собою.
Наверное, в ходе привычных работ
он стал результатом случайного сбоя.

Кто из мастеров оказался не прав,
упрямая полька не знала сама, но
теперь эту дюжину, властно прибрав
к рукам, выпасает в небесных саваннах

на млечной лужайке с непыльной травой,
и, словно китайский болванчик, не здраво,
но веско качает льняной головой
то справа налево, то слева направо.

* * *

В этот ни-дождь-ни-снег – с тополем на краю
поля – ты без помех в жизнь протечёшь свою,
бывшую, как жена, нынешнюю, как с крон
влага, что зажжена сразу со всех сторон.

Оком кося, как рысь, на отсыревший ствол,
вздогнешь: да вся корысть снегом ушла в помол
прошлого. И давно твой древоточец-взор
там, где всегда темно, вытравил свой узор.
В этот ни-день-ни-ночь родины, на паях
с мартом устав толочь грязь на её полях,
выбредешь на шоссе, где, как шары в лото,
с горки скатились все
фары
ночных
авто.

Всё-таки оглянись: тополем на краю
плещет чужая жизнь, вырлив на твою
трассу. Но зубы сжать не позволяет дрожь.
Обледенелый тать – этот ни-даждь-ни-дождь.

* * *

Два «эспрессо», две сигарки, полдень, серый, как Ла-Манш.
Две сороки, как цыганки, делят краденый лаваш.
Сикось-накось, неумелым, убегаящим стежком
изумрудные омелы заштрихованы снежком.
Бесполезной, неимущей (взгляд – в окно, рука – к челу),
мне гадать на чёрной гуще совершенно ни к чему.
Мне гадать на этой гуще всё равно что не гадать,
потому что там, в грядущем, – только снега благодать.
Всякий довод в рог бараний скручен. Тянет от дверей.
Ход баталии банален, как протоптанный хорей.
Воробьи стучат по жести. Скорый поезд прогудел.
В каждой фразе, в каждом жесте – постмодерна беспредел.
Два пробела. Две цитаты. Цитрус. Колкая вода.
И стрекочут, как цикады, возле окон провода.
Мягче слово или резче – всё в кавычках дежавю.
До прямой и честной речи я уже не доживу.
Слишком много напласталось для беседы по душам.
Мне в затылок дышит старость учащённо, как дышал
ты, – в беспамятство ныряя, словно в смертное родство,
бескорыстно повторяя контур тела моего.

* * *

На столе – бедлам. За окном – разруха в красноватом зареве
мятежа.
Между стёкол вдруг оживает муха,

пробиваясь к форточке и жужжа.

То весенних фрезий залётный запах,
то светила циркульный полукруг.
Лишь одно незыблемо: справа – запад,
если ты задумал бежать на юг.

Разольём гороховый суп по мискам.
Из другой эпохи, из тьмы другой
нам с картины чёрная одалиска
золотой подмигивает серьгой.

Уперевшись локтем в парчу подушек,
разгрызая косточку миндаля,
ждёт, пока Альгамбра себя потушит,
покачнувшись в пламени фитиля...

Ввинтим в сумрак лампочку: день недолог.
Мавританке – жемчуг, тебе – горох.
Даже дым отечества нынче дорог, –
поразмыслишь прежде, чем сделать вдох.

Только муха скутером ошалелым
в застеклённой мечется глубине.
Только мокрых веток углы и стрелы
ассирийской клинописью в окне.

Курортная зона

бомж на прогревом камне читает сартра
тот кто читает сартра сегодня – бомж
чайка вопит как чокнутая Кассандра
и на нее бинокль направляет бош

буш с высоты планёра грозит Ираку
мысли Саддама прячутся в кобуру
грека с бокалом пива не рад и раку
он половину кипра продул в буру

некий турист проворный как марадона
щиплет лодыжку свеженькой травести
в пластиковом бикини летит мадонна
в шторм но никто не жаждет её спасти

над головой вытягиваясь редая
в кровоподтёках и дождевой пыли
облако то блажит бородой фиделя

то предъявляет розовый ус дали

скачет profanum vulgus в раскатах грома
бросив пронумерованные места
бомж на своем насесте читает фромма
крупные капли смахивая с листа

он уместился так чтоб волна бодала
как подобает хищнице – со спины
организуя пряди его бандана
выгорела до цвета морской волны

все закипело сдвинулось помутилось
эросом гекатомбы слилось в одно
бомж прошивает время как наutilus
зная что лучший выход уйти на дно

не выпуская книги из рук он даже
рад что круша причалы рыча wagum

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.